

К 130-летию В. Маяковского

1

Обветшал ли язык русский к началу двадцатого века? Рифма износилась точно: как платье, что использовали многие; рифма истрепалась, стала скучной, чуть ли вовсе не нужной. Нужно было перетряхнуть пласты языка – и изобрести новую рифму, давая образцы работы поэтам будущих поколений, и Маяковский, вламываясь в крепость литературы, принялся за работу с истовостью и всей щедростью дара, граничащего с гением.

Не слышали ранее таких созвучий – и показались они грубыми... Не слышали и не рассчитывали услышать: после нежной и грустной музыки символизма; не предполагали, что такую лестницей можно идти: с широкими ступенями лестницей нового стихосложения.

Маяковский гремел, блистал; слова сталкивались, как шары в бильярдной игре, которую он так любил, – и высекали, что искры, новые значения, а, суммируясь, давали неведомую доселе образность: дикую и яркую: в рост нарождавшемуся веку. Кабы не эксперименты Маяковского с рифмой, вся сегодняшняя поэзия писалась бы верлибром...

Если бы не глыбы трудов горлана – развитие поэзии остановилось бы. Но он вершил труды – сквозь бездны преград и препятствий, сквозь мещанскую косность мировосприятия; он шел от бездны, ведомой только ему, и бездна эта дала блестящую метафизическую победу – несмотря ни на что... И на маяк Маяковского пошли корабли поэтов будущих поколений.

2

Демонический Маяковский – в плаще и шляпе итальянского карбонария... Или как? Демоническая роль Маяковского в фильме «Драма в кабаре футуристов № 13» – какой еще может быть номер? Только такой... Из Мартина Идена вырастает «Не для денег родившийся», ибо футуризм видел планету, купающуюся в солнце счастья измененных отношений людей: но у денег свое мнение по этому поводу. Не оттого ли не сохранилось ни одной копии фильма? Более-менее отчетливо Маяковский-актер и режиссер представляется по ленте «Барышня и хулиган», хотя едва ли кто-то вспомнит рассказ, по которому он сделан; но выразительность хулигана, отмеченного живым монументализмом огромного (во всех смыслах) поэта, врезается в память так, что не вытравить. Маяковского не мог не интересовать кинематограф – во-первых, он был будущим, как футуризм, во-вторых, есть нечто общее в принципе монтажа и построение стихотворения – особенно – стихов Маяков-

ского, чья монтажная лесенка сама часто организует зримые кадры.

...Был еще эксцентрический бурлеск «Октябрюхов и Декабрюхов». Но, представляется, все было бы иначе – иной яркости, – будь кинематограф во времена Маяковского более развит. Впрочем, и той, дополнительной к поэтическому дару, яркости Маяковского в кино хватает.

3

Мальчик-самоубийца, так остро живописанный в поэме «Про это»: с раскатами маяковского «р», с нежностью и презрением к процыганенному романсу, со сравнением с собой, – поэтом, перелопачивающим груды слов ради решительного обновления общего поэтического словаря; сравнением, ради которого, возможно, и предпринят был образ мальчика, попавшего в страшную ситуацию бездны жизни.

Век стал ломать привычные устои, век делегировал Маяковского, чтобы появился язык, соответствующий предстоящим громам; Маяковский, наполнивший своим огромным «я» внушительные сосуды поэм...

«Облако в штанах» дает невиданные ранее формы лиризма, чья интенсивность берет в полон даже не читателей стихов. Хотя мотивы одиночества и бессмыслицы никуда не уходят: Все чаще думаю – не поставить ли лучше точку пули в своем конце. Сегодня я на всякий случай даю прощальный концерт. Концерт «Флейты-позвоночника» оказался не последним, отчего поэзия выгадала, но утверждение на счет точки рисует жизнь как безнадежное предприятие – но ведь нет, ощущение ложно: громоздятся лестницы поэм, и ступает по облакам великий командор поэзии. «Летающий пролетарий» социален в той же мере, в какой «Облако...» лирично; и все торжественно-приподнято, настолько, что не большой объем поэм тянет на эпос, а иные метафоры удивляют само пространство.

...или – от вечной ветхости былых времен громоздятся глыбы Маяковского: зиккураты вздымаются в небеса, египетские пирамиды бросают отсветы на красно-золотящиеся стихи? Но Маяковский подчеркивал свой анти-интеллектуализм, хотя связь его с гудящим державинским звуком куда сильнее, нежели со звуком Пушкина, так и не сброшенным ни с какого корабля. Стоило ли снимать профессору очки-велосипед, чтобы послушать рассказ о времени и о себе? Стоило, конечно. Ибо последний документ Маяковского «Во весь голос» – квинтэссенция его поэзии, как сама она – квинтэссенция души.

4

«Летающий пролетарий» декларирует интерес поэта к тому, что будет через сто лет, и даже двести...

Слишком отличается от сквозящей истории мальчишки самоубийцы из

«Про это» – где индивидуальность выдвигалась на первое место, и даже отчаяние не могло заткнуть её за пояс.

Главное – размах, с которым кидалось всё в лицо миру, и – будто вызывающее презрение к нему: таковому, не желающему меняться.

«Облако в штанах» ошеломляло – казалось, оно отрицало все предшествующие поэмы, созданные в русском пантеоне, хотя и гудело державинским звуком.

Но ведь и нежность одиночества была запредельной: край дымчатого, заповедного не отрицал всё тот же речевой размах.

...бегавшие под пулями буржуи вернулись в страну, которую бы не узнал Маяковский, хотя не один профессор, сняв очки-велосипед, готов выслушать последний поэтический документ поэта.

Маяковский и писал хроники начала века, над которыми летит пролетарий – писал неистово, как полыхали античные битвы.

Маяковский разрушил Карфаген традиционного отношения к слову, и лестницами своими поднимаясь и нисходя, отправился в сияющий путь по облакам, оставив внизу свои грозно рокошующие поэмы, не говоря о стихах...

5

Насколько поэзия Маяковского празднична, избыточно-пестра и причудливо-необычна, настолько проза его проста, суха, деловита.

«Я сам».

Он – подлинный, такой, как был, рос, писал, прорастал в поэзию, меняя её своим гигантским внутренним ростом.

Рассказ о себе, расчленённый на сегменты, и в каждом сказано ровно столько, сколько требовалось сказать.

Начало пути.

Вхождение в жизнь.

Восприятие революции.

...или «Как делать стихи».

Опыт огромен, просквожён молниями, сверкает красками, и вновь – сухо и точно отливается в чеканные строки, превращается в крепко-прозаический рассказ о работе.

А работа – превращение обыденности жизни в чудо: и эта работа может выполняться просто, сухо, внятно.

Очень интересная проза.

Чудесно дополняющая громогласную поэзию.

6

У него свои отношения с Богом, небом, высотой; он ступает по облакам: «архангел-тяжелоступ» – по огромному, сверх-точному определе-

нию Цветаевой; он ступает по облакам словес, добывая ещё неслыханную музыку, и она разносится уже больше века...

Ранние стихи вряд ли слишком варьируют тему веры: Маяковский кажется далёким от оной: слишком занят поисками... земными.

Строки бьются и вибрируют: при этом их своеобразие и общая цельность настолько очевидны, что Маяковский как будто родился готовым: со всеми особенностями своими.

Всё характерное, присущее ему раскрывается тугими узлами словесных цветов.

И атеизм его – кажущийся, видимый, того свойства, когда поэт ищет – неистов: сам будто и не зная чего.

Но – ведь в гости к Маяковскому заходит, сияя, солнце, требует чая и варенья.

«Пусть богу старухи молятся!» – мощно: по-маяковски: сильно, вразнос, но тут – не Бог, а церковь, все века тщащаяся подменить Его собою...

Антипоповского – абсолютно справедливого – много в речениях горлана-главаря: «От поминок и панихид у одних попов довольный вид» – не потускнело со временем утверждение, применимо и к нашим временам.

Он воспринимает церковь социальным феноменом: каковым она во многом и является, и он обрушивается на установившийся веками порядок добывания попами денег – из темы и тела Христа.

Священник должен быть нищ и свят: тогда и отношение к нему было бы другое...

Иное звучание имеет «Послушайте», где нежность внутреннего религиозного чувства: стыдно громовержцу Маяковскому демонстрировать нежность! – облекается в урбанистические метафизические одежды конкретики:

И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит – чтоб обязательно была звезда!

Похоже ли это на стихи атеиста?

Собственно, и атеизм – странное состояние, изнаночная вера, необходимость подкреплять себя мыслью об отсутствие главенствующей силы, чтобы оставить себе хоть крохи самостоятельности в жизни... Парадокс

заключается в том, что атеист может быть гораздо ближе к Богу, нежели церковный иерарх: для этого достаточно сравнить громокипящего, обновившего весь состав языка Маяковского – с каким-нибудь современным церковным долдоном, на «мерседесе» возвращающимся в хоромы свои...

У поэта было огромное, всё-вмещающее сердце: достаточно вспомнить фрагмент из поэмы «Про это» – о мальчишке самоубийце:
Вата снег. Мальчишка шёл по вате...

Человек, обладающий подобным сердцем, - и соответственно: сознанием – не может не чувствовать огромности пластов, нависающих над нами, не говоря о безднах, сокрытых в нас...

Своеобразная вера Маяковского была горячей, раскалённой даже; и её факелы часто освещали его могучие, великолепные стихи...

7

Он стремился сделать жизнь: новую, яркую, приравняв перо не только к штыку, но – одновременно к строительному материалу и различному инструментарию...

...в одном Маяковский ошибался: В этой жизни помереть нетрудно...

Трудно, ох, как трудно, ежели достойно, стоически, мудро, но речь не об этом: в данном контексте стихотворения «Сергею Есенину» строка совершенно оправдана, ибо здесь о новом, неизвестном ещё, но бурно развивающемся, строящемся мире...

Представляя противоположные полюса, они – Есенин и Маяковский – сложно противостояли друг другу: и в стихе, и в жизни; отдавая друг другу должное, хотя и издеваясь порой друг над другом.
Не без этого.

Однако, стихотворение «Сергею Есенину» предельно серьёзно, и – столь же уважительно, и строки:

– Прекратите!

Бросьте!

Вы в своем уме ли?

Дать,

чтоб щеки

заливал

смертельный мел?!

Вы ж

такое

загибать умели,

что другой

на свете

не умел.

Дают чёткое понимание сверх-значительной роли Есенина – в стране, где поэтическое слово раскатисто слышно (в отличие от нынешней) – на какое наслаивается очевидное сожаление о сделанном Есениным, когда не просто жалость.

Стих был популярен.

Он разносился широко – ибо отрицал смерть; он рокотал жадной жизни, деятельности, подвига.

Вопрос о суициде обоих поэтов едва ли когда-то разрешится...

Вполне возможно, что Маяковский, выполняя секретные политические миссии на Западе, попал под зачистку, и был убит.

Так, или иначе, о самоубийстве применительно к себе в русской поэзии писали только трое: Есенин, Маяковский, Цветаева...

Стих Маяковского рвётся болью в начале: и даже полёт Есенина, врезающегося в звёзды, отдаёт чем-то религиозным.

Далее – более трезвые строфы:

Критики бормочут:

– Этому вина

то...

да сё...

а главное,

что смычки мало,

в результате

много пива и вина. –

Дескать,

заменить бы вам

богему

классом,

класс влиял на вас,

и было б не до драк.

Ну, а класс-то

жажду

заливает квасом?

Класс – он тоже

выпить не дурак.

Жёсткая констатация расейской беды-привычки, коснувшейся Есенина, обошедшей Маяковского.

Лестница, ведущая вглубь страницы, выводит стремительно к всплеску горя одного поэта от самоубийства другого:

Навсегда
теперь
язык
в зубах затворится.
Тяжело
и неуместно
разводить мистерии.
У народа,
у языкотворца,
умер
звонкий
забулдыга подмастерье.

Маяковский знал, как почтить равного ему собрата-поэта.

И почтил.

И звонко данный финальный афоризм, отрицающий суицид Маяковского, врезается в плоть реальности вечной правдой: с маленькой такой ошибкой – достойно умереть очень трудно.

Примечание:

Александр Балтин родился в Москве, в 1967 году. Член Союза писателей Москвы, автор 85 книг. Стихи переведены на итальянский, болгарский и польский языки, эссе – на болгарский и фарси.